

В. К. ПИЛКИН

<«Вообще Колчака нельзя было не заметить»>

Мы с Буниным рассказывали ему о Колчаке, о том, как он настоял на том, чтобы операция постановки минных заграждений за Борнгольмом «Россией» была доведена до конца. Это было в 1914 году. Молодежь все жаловалась, что ничего не делается, и вот однажды Бунина зовут утром (рано утром, он еще спал) к командиру, к Подгурскому. Он входит к нему в каюту и застаёт там его и Колчака... <нрзб> «Ну, — говорит Подгурский, — вы все жаловались, что мало делают, теперь, пожалуй, скажете, что не много ли!» Оказывается, они ночью с Колчаком разработали постановку заграждения в Фемарн-Бельте. 30 декабря «Россия» вышла с Гельсингф<орского> рейда. Я видел, помню, как она снималась с якоря и как ей помогали во льду буксиры. На ней сидел Канин, которому и была поручена операция. Погода благоприятствовала: пурга, туманы, время также: короткие дни, длинные ночи. Намерения были следующие: если обстоятельства будут благоприятны — поставить заграждения у самого Фемарн-Бельта; при менее благоприятных обстоятельствах ограничиться заграждением восточного Борнгольма и, наконец, третий вариант — в восточной части Балт<ийского> моря. Точнее мест я не знаю. Когда стали проходить Борнгольм, увидели много пароходов, идущих в Германию и из Германии смело, с огнями. На самом острове увидели, как гиперболически <нрзб>, беготню трамваев на берегу; на траверзе шло какое-то военное судно, а радиотелеграф принял немецкую телеграмму, что как раз там, где должно быть первое заграждение, идет неприят<ельский> крейсер и миноносцы. Канин не выдержал: это безумие идти дальше, кладите на борт, на обратный курс. Приказание было исполнено. Колчак ничего о нем не знал; чуть ли он не спал в каюте. Кто-то его предупредил, он выскочил на мостик и уговорами, убеждением, просьбами настоял на том, чтобы довели до конца задуманное предприятие. Опять повернули. Еще оставалось ½ часа до назначенного места. Канин нервничал, но уже тут Подгурский, который к этому моменту выпил коньяку, вступился и сказал

Бунину: «Принимать только от меня приказания. Пока я не положу сам руля, не ворочать». Заграждение было поставлено. Крейсер шел домой. Было как раз 1 января 1915 года. Все собрались в кают-компаниях, и там Канин при всех поблагодарил Колчака и признал, что благодаря ему исполнили поручение!...

Колчак был худощавый, стройный. Физически не был крепким, но был выносливее многих, более крепких. Плоть была немощна, но дух силен и бодр. В наружности его было что-то орлиное. Когда вдова Александра Васильевича, Софья Федоровна Колчак, услышала от меня, что в наружности ее мужа было что-то орлиное, она пришла в страшное негодование: «Как что-то орлиное? Как что-то орлиное? Взгляд, взгляд был орлиный!» И она, конечно, была права — взгляд был орлиный. Выражение лица было суровое. При этом неожиданно, удивительно приятная, мягкая веселая улыбка. Обращал также на себя внимание рот Колчака, очень правильного, красивого рисунка. Вообще Колчака нельзя было не заметить.

Колчака обвиняли в жестокости. Был ли Колчак жесток? Он был бешено вспыльчив. «Чертушка!» — говорил о нем Бахирев. Из песни слова не выкинешь! Молодым офицером, на «Аскольде», Колчак действительно жестоко дрался, и его принуждены были останавливать начальники и сослуживцы.

В баллотировочной комиссии ст. офицер «Аскольда» Теше возражал против производства Колчака и положил ему черный шар, ставя ему в вину жестокое обращение с командой. Но комиссия не согласилась забаллотировать выдающегося офицера, хорошо известного флоту по Порт-Артуру.

Увы! Даже после Русско-японской войны, когда на кулачную расправу было обращено строгое внимание, все-таки бывали случаи, когда она имела место и некоторые «бесславили сгоряча свою воинственную руку презренной палкой палача». Но это уже были злоупотребления, тщательно искореняемые.

С годами, продвигаясь по службе, Колчаку пришлось занимать посты, где уже не приходилось «брататься», но репутация жестокости прилипла к Колчаку. «Александр Васильевич, — писал ему заведовавший службой связи адмирал Непенин, ты опять задумал какую-то операцию. Вспомни, какие праздничные дни стоят! Крови захотелось? Так я пришлю тебе барана, зарежь его на шканцах».

Но на островах Бенетта, на которые высадился Колчак в поисках пропавшего путешественника, барона Толя, звери и птицы, никогда не выдавшие человека, доверчиво окружали людей, не обнаруживая ни малейшей боязни. Примитивные спутники Колчака кинулись к оружию, но «кровавый Колчак», как его прозвали впоследствии «товари-

щи», запретил убийство на островах Бенетта, невинная кровь не была пролита. Но из песни слова не выкинешь, и Колчак не поднял, после потопления неприятеля, плававших и цеплявшихся за его миноносец немцев. «Crime de guerre?» Правда, была опасность от подводных лодок и надо было скорей уходить...

Скромный морской офицер привлекал внимание законодателей и общественных деятелей. Говорил он очень хорошо, всегда с большим знанием дела, всегда думая то, что он говорил, и всегда чувствуя то, что думал, т.е., по мысли Кони, обладал необходимыми для настоящего оратора данными. И действительно, он был «Оратором божьей милостью». Речей своих не писал, образы и мысли рождались в самом процессе его речи, и потому он никогда не повторялся. Глубокое убеждение и настоящая сила всегда слышались в словах Колчака...

В Великую войну Колчак был начальником оперативной части у Н. О. Эссена. Силы наши были ничтожны, по сравнению с немцами. Но Балтийский флот держал нашего противника в напряжении, нанося ему чувствительные удары, иногда у самых его берегов. Колчаком был задуман и приведен в исполнение ряд смелых и опасных операций, в которых он принимал почти всегда личное непосредственное участие. Немцы не хотели верить, что русские моряки, на старых калошах — судах, принимавших участие еще в Японской войне, современники которых у немцев давно уже стояли блокшивами в их портах, если не были разобраны, осмеливались в зимние ночи, пробиваясь через лед, выходить в море и под самыми неприятельскими берегами, на немецких путях сообщения ставить мины, на которых один за другим взрывались суда неприятеля.

Во всех этих походах Колчак обнаруживал упорство и настойчивость в достижении поставленной цели. Случалось, что сам командующий флотом обнаруживал смущение и готов был отказаться от задуманной операции. «Операция отменяется», — было радио Эссена Колчаку, бывшему уже на параллели Ирбенского пролива и в снежную пургу, во льдах идущего с миноносцами к Данцигу. «В особо благоприятных условиях погоды, — телеграфировал Колчак, — прошу разрешения операцию продолжать». Было разрешено.

Может быть, благодарный, но горячий, бешено вспыльчивый Колчак не всегда бывал удобным и приятным начальником. «Хватили горячего», — говорили офицеры «Вайгача», на походе на Дальний Восток, но иметь Колчака подчиненным было всегда удобно, важно и полезно².

